

**ПИСМА ГЕНЕРАЛА М. Г. ЧЕРЊАЈЕВА О ПОСЛЕДЊИМ
НЕДЕЉАМА СРПСКО-ТУРСКОГ РАТА 1876.**

Приредила: Јована Перишић, мастер историчар
 Центар за руске и источноевропске студије
 Филозофског факултета Универзитета у Београду
 jperisic25@gmail.com

**ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА М.Г. ЧЕРНЯЕВА О ПОСЛЕДНИХ
НЕДЕЛЯХ СЕРБСКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1876 Г.**

Подг. Ђ. Перишич, магистр-историк,
 Центар по изучению России и Восточной Европы Отделения истории
 Философского факультета Белградского университета

Српско-турски рат 1876. имао је преломни значај у историји српске државе без обзира на његово кратко трајање и велике проблеме у војним операцијама. Покојни професор Мирослав Јовановић је дао лапидарну слику ових догађаја: „На почетку српско-турског рата (1876), упркос макар и формалном противљењу руских власти, у Србију је стигао познати словенофил мајор Михаил Григорјевич Черњајев (који је у Србији добио чин генерала и постао главнокомандујући српске војске). Његов долазак био је сигнал за организовану акцију пребацивања руских добровољаца, са којом званичне руске власти декларативно нису имале ништа (мада су Србију снабдевале оружјем и муницијом). Најзад, у рату је учествовало 4.500 руских бораца, који су званично представљали нерегуларне руске добровољачке јединице, које је анимирао и регрутовао Славјански комитет у Москви, што је изазвало шаљиве коментаре у Русији да је 'Славјански комитет објавио рат Турској' (а којима су Срби, истина, придавали неупоредиво већи значај од оног који су објективно имали у руском друштву и политици). После лоше вођене кампање, на инсистирање Черњајева, а уз посредовање руског двора и самог императора Александра II, 1. новембра 1876. године потписано је примирје са Турском и руски добровољци су напустили Србију.“¹

1 М. Јовановић, *Срби и Руси. 12–21 век. Историја односа*, Београд, 2012, стр. 89–90.

У Историјском музеју у Београду, од 24. септембра до 15. октобра 2021, била је одржана изложба „Повратак генерала. 145. годишњица доласка руских добровољаца у Србију“. На овој изложби уочили смо четири интересантна писма генерала М. Г. Черњајева, вође руских добровољаца у Србији. Ради се о субјективним и веома критичким писмама, која вероватно представљају другу крајност у односу на критички став према руским добровољцима код њихових српских сабораца.² Ову амбивалетност, на ивици разочарања због изостанка видљивог резултата, веома су пластично описали у својим симетричним антологијама Андреј Шемјакин (руске погледе на Србе) и Мирослав Јовановић (српске погледе на Русе).³

Писма су била написана особама из непосредног окружења руског престолонаследника: генерал-лајтнанту И. И. Воронцову-Дашкову, маршалу двора престолонаследника В. В. Зинвјеву и кнезу А. И. Васиљчикову. Очигледно је да се радило о информацијама које су пренешене директно престолонаследнику великом кнезу Александру Александровичу Романову (будућем руском цару Александру III). У ова четири писма Черњајев пружа увид у околности под којима је дошло до српско-турског рата 1876. и до његовог тешког исхода. Ради бољег разумевања услова под којима су писма настала, допуњујемо их копијом писма руског војног агента у Цариграду А. С. Зеленог руском генералном конзулу у Београду почетком септембра 1876, које је конзул проследио ађутанту генерала М. Г. Черњајева, а оно говори о потреби да се издржи још месец дана да би се турска војска поразила. Општи увид у ситуацију даје и концепт писма које није послао руском цару Александру II, сачуван у личним белешкама Черњајева, о току ратних операција у Србији и разлозима пораза, који такође овде објављујемо. Ради се о субјективним, поверљивим и чак личним писмима која знатно допуњују слику првог рата који је Србија као држава водила у ново време. Описани догађаји значајно су утицали на пут српске државе ка независности, коју је стекла 1878. захваљујући расплету конфликта између Руске и Османске царевине.

2 В. Ђорђевић, *Српско-турски рат: успомене и белешке из 1876, 1877 и 1878 године*, књ. 1–4, Београд: И. Даничић, 1907.

3 А.Л. Шемякин, *Русские о Сербии и сербах*, Санкт-Петербург, 2006, с. 126–261; М. Јовановић, *Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија*, Београд, 2011, стр. 151–167.

Оригинали документа се чувају у Државном историјском музеју у Москви, у Одсеку рукописа, у рукописној заоставштини В. Г. Черњајева (фонд 208). Надамо се да ћемо једног дана бити у могућности да их и лично видимо, а не само на изложбеним репродукцијама. Оно што је било прецртано у оригиналу прецртано је и у тексту који објављујемо, а у фуснотама оригинални коментари аутора су означени са: (М.Ч.)

Копија писма руског војног агента у Цариграду А. С. Зеленог⁴ руском генералном конзулу у Београду А. Н. Карцову,⁵ коју је конзул проследио П. А. Монтовердеу,⁶ ађутанту генерала М. Г. Черњајева, о потреби да се издржи још месец дана да би се турска војска поразила, 3. (15) септембар 1876.

Секретно.

Милостивый Государь
Андрей Николаевич,

Имея честь читать копии Ваших донесений о военных действиях Государственному Канцлеру, я позволю себе сообщить Вашему Превосходительству несколько данных об впечатлении господствующем у турок, касательно исхода хода военных действий, а равно и об моем личном впечатлении, составившемся правда вдали театра действий и потому быть может подверженному многим изменениям, если не в общем то в подробностях.

Турки все беспокоятся о своей армии и желают мира. Башибузуки толпами покидают армию и говорят, что дело слишком серьезно для них, потери их громадны, огонь сербской артиллерии убийствен, а содержание их в Турецкой армии до того плохо, что они голодают по целым дням. Это последнее бедствие разделяет с башибузуками и низам. Как ни грустно по Вашим донесениям изнанка Сербской армии, но и изнанка Турецкой быть может еще хуже.

Понтонные парки и осадная артиллерия /10 орудий/ Турецкой армии, отправленные из Константинополя находятся пока в Та-

---

4 Александр Семенович Зељони (1839–1913), руски официр и војни обавештајац, војни аташе у Цариграду 1870–1877, учесник руско-турског рата 1877–1878, генерал (1880).

5 Андреј Николајевич Карцов (1835–1907), руски дипломата од 1856, секретар руског генералног конзулата у Београду (1858–1859), поново се вратио у Србију после две деценије, након дуге дипломатске каријере. Био је дипломатски агент и генерални конзул Русије у Београду (1875–1879).

6 Петар Августиневич Монтоверде („Петар Петров“, 1839–1916), руски официр и новинар. Пензионисан у звању мајора (1866). Дописник новина „Руски мир“ 1872–1878. из иностранства, стигао је у Херцеговину за време Херцеговачког устанка 1875, а након тога у Београд. За време српско-турског рата 1876. био је ађутант генерала М. Г. Черњајева у звању потпуковника. После рата настао је новинарски посао и био је заменик начелника Руске новинарске агенције (1889–1895).

тар-Базарджике и никто не знает как скоро они могут придти в Ниш, так как мосты на шоссе между Татар-Базарджиком и Нишем не в состоянии выдержать тяжесть осадных орудий. Положение Турецкой армии на левом берегу Моравы между Делиградом и Аленинадом, лежащим на противоположном берегу, в стратегическом положении крайне опасно, если только Сербская армия может маневрировать и драться в поле, чего я не знаю. Дебуксирование всей Сербской армии из Алексинаца, или вернее по реке в тыл туркам, могло бы поставить турецкую армию на край гибели. Но положение турок так плохо и крайне опасно, вследствие отсутствия интендантства и обоза, приковывающее турецкую армию к месту и делающее невозможным быстрое движение вперед, – что для сербов выигрыш времени и избежание поражения, по крайней мере, в течение месяца, было бы равносильно полной победе, ибо самые друзья турок, как мне положительно известно, и в числе их английский посол Элиот,⁷ основывающийся на донесениях Английского военного агента Генерала Кембала при главной квартире Абдул-Керима,⁸ считает, что турки погибли, если сербы продержаться еще месяц. Действительно, через месяц сообщение через Балканы между Татар-Базарджиком и Софией на главном пути между Константинополем и Нишем будет уже затруднительно. Резервы турок вполне истощены, а выставление наших войск на Закавказской границу у Александрополя, уже совершившееся, не позволит туркам отделить более войска из Азии, где едва осталось достаточное число для наблюдения нашей границы. При таком положении упорство, одно упорство сербов, продержаться месяц, решит дело вполне в пользу сербов и славян. При этом нужно заметить, что или ранее этого срока турки нанесут решительное поражение сербам, или в виду того что Сербская армия неспособна держаться в поле, пойдут на Ягодину, Крагуевац или Белград, не забываясь об Алексинаце и Делиграде, и если действительно окажется,

7 Хенри Џорџ Елиот (1817–1907), британски дипломата. Најзапаженији као амбасадор у Цариграду (1867–1876) и по учењу на Цариградској конференцији 1876–77. Елиот је спроводио чврсту протурску линију упркос бројним документованим злочинима Порте против хришћанског становништва.

8 Абдул Керим-паша (1811–1885) турски генерал, био је успешан у црногорско-турском рату 1862. и у српско-турском рату 1876. У руско-турском рату 1877–1878. није успео да спречи Русе да пређу Дунав, био је смењен и отеран у изгнанство, где је и умро.

что сербская армия неспособна действовать массами в открытом поле, – то все таки решимость защищаться до крайности до наступления дождей хоть месяц решит победу в пользу сербов, ибо тогда отделив как ядро народной обороны отборный корпус тысяч в 16 или 20-ть с артиллерией и занимая укрепленные позиции, остальную армию можно обратить в массу партизанов, которые тревожили бы постоянно набегами все сообщения турецкой армии, которая, в свою очередь, при ограниченном своем составе имела бы тогда две задачи весьма трудные и друг другу противоположные, как Французы на Пиринейском полуострове и войне Наполеона I-го: одну действовать совокупно против регулярной армии и укрепленных пунктов противника, другую – охранять свои сообщения и действовать в разброд летучими отрядами против партизанов.

По приблизительным сведениям, имеющимся у меня перед открытием военных действий против Алексинаца Турецкая главная армия ~~xxxxxx~~ состояла / корпус Ахмед-Эйюба и Али-Сагиба-Паши.

	Батал[ьоны]	Эскад[роны]	Батар[еи]	Числ. [енность низама]	Баши- буз [уки]
Дивизия Сулейман-Паши	12	5	4	9000	3000
Дивизия Гусейн Гуми-Паши	16	6	6	11000	2000
Дивизия Сабри-Паши	12	4	5	8600	
Дивизия Фазли-Паши	10	4	2	7500	2000
Отдельн.[ая] бригада	5	/	1	3000	
Дивизия Али-Сагиб-Паши	15	6	4	10000	3000

Итого против Алексинаца и Делиграда	70	25	22	49100	10000
Гарнизон Ниша	7	/	1	4500	/
Дивизия Гуссейн- Хусни-Паши против Янхова Клисуры и Крушеваца	16	6	4	12000	1000
Осман-Паша Зайчар	27	12	10	20000	9000
Гарнизон Видина	2	/	/	2200	/

Все эти войска показаны, не принимая в расчет потерь у Алексинаца и в боях около него.

С отличным уважением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга А. Зеленой.

P.S. Относительно перемирия я не решаюсь высказаться. Ибо оно может быть и полезно сербам и вредно, ибо возможно, что во время перемирия милиционная армия, не занятая противником, может разойтись по домам вместо обучения. Турки же без сомнения употребят это время на организацию своего обоза и интендантства. Желательно было бы, что бы Ваше Превосходительство сообщили эти соображения Генералу Черняеву на его благоусмотрение равно как и все письмо.

ГИМ, Ф.208, Он.1, Ед.х.14, Л.68–72.

Концепт телеграма генерала М. Г. Черњајева генерал-лајтнанту И. И. Воронцову-Дашкову,⁹ особи из најближег окружења престолонаследника Александра Александровича, о потреби примирја у Србији, почетак октобра 1876.

Необходимо перемирие на один месяц или шесть недель. Войска устали до нельзя. Турки имеют теперь превосходство сил, оружия и артиллерии, но не могут долго содержать своей армии в сборе. С наступлением осени резкий перевес будет на нашей стороне. Они жгут все села и поля в случае нашего теперь отступления обратят страну в пустыню. Мир на невыгодных условиях без вознаграждения за произведенные ими неистовства поведет к беспорядкам внутри. Война затеяна не одной какой-либо партией, как отсюда старались представить, но была единодушным желанием.

Нельзя ли повлиять на Румынию, что бы она пропускала оружие. Половина армии вооружена пистонными ружьями. Румыния задержала свинец. Перемирие необходимо немедленно. Против меня в Алексинаце 50 тысяч турок с 60 полевыми оружиями большего, чем у нас калибра. Положение опасное. Карцов в Белграде невозможен.

ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 95.

---

9 Иларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916), руски официр и државник, лице од поверења руског цара Александра III, оснивач тајне организације Света дружина (1881).

Копија телеграма генерала М. Г. Черњајева маршалу двора престолонаследника В. В. Зиновјеву¹⁰ о немогућности да се рат настави снагама српске војске, октобар 1876.

Необходимо, во чтобы ни стало, перемирие, чтобы воспользоваться плодами принесённых жертв. Войска устали до нельзя. Армия наполовину не одета. Нас [не] спасут холода. Солдаты начинают расходиться по домам. У меня под оружием 22000 против 50000. Турецкая артиллерия превосходит нас дальностью. Продолжая с армией ...¹¹ в теперешнем её положении можно потерять все приобретённые до сих пор результаты.

Черняев.

ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 100.

10 Василиј Васиљевич Зиновјев (1814–1891), руски војсковођа и дворски чиновник. Био је управитељ двора будућег цара Александра III од 1868. све до 1891.

11 Два слова нельзя рассмотреть. «впредь продолжать атаку»или нечто такое подобное. (М.Ч.)

**Концепт писма које генерал М. Г. Черњајев није послао
руском цару Александру II о току ратних операција у Србији
и разлозима пораза, 23. новембар 1876.**

Вена

Ваше Императорское Величество
Государь Всемиловитейший.

В знаменательный и счастливый день 25-летнего славного царствования Вашего, соединяем и мы, славянское благотворительное общество – наш слабый голос с многомиллионным великим голосом всего народа Русского приветствующего радостью и любовно доброго Государя своего, столь искренно свой народ возлюбившего.

Народ славит и любит Монарха своего и в нем видит и чтит отца, и никто более не в состоянии понять и оценить все глубокое и плодотворное значение этого воззрения и этого чувства народного, чем мы, славянское общество, неустанно старающееся познать все великие и основные идеи жизни русской, а познав – служить им.

Давно уже среди интеллигентного слоя Государства нашего, рядом с драгоценнейшими плодами науки и просвещения, выросли и многочисленные плевелы. Рядом с истинными и горячими сердцем слугами Отечеству, явились люди неверующие ни в народ Русский, ни в правду его, ни даже в Бога его; а в след за ними пришли нетерпеливые разрушители, невежды уже по убеждению, отрицающие не только Бога, но уже и науку, которую ещё столь недавно сами же ставили выше самого Бога, злодеи искрение, провозглашающие мысль о всеразрушении и анархии и твердо верящие тому, что какая бы гибель, какой бы хаос не произошли от их кровавых злодейств, но все таки происшедшее будет лучше, чем то, что они теперь разрушают. Эти юные русские силы, увы! Столь искренно заблудившиеся, подпали, наконец, под власть силы темной, подземной, под власть врагов имени русского, а за тем и всего христианства. С невероятною дерзостью они еще так недавно произвели неслыханные в земле нашей злодейства, от которых содрогнулся негодованием частный и могучий народ наш, а за ним и весь мир. – Мы же, Слав.[янское] Общ.[ество], стоим в убеждениях наших крепко и противоположно и малодушию столь многих отцов и дикому безумству детей их, уверовавших в злодейство и искренно ему поклонившихся. – Мы твердо исповедуем, что лишь в наших идеях, во имя которых единимся мы,

и которым служим, заключается и правый исход всей тоски русской жизни и великой цели, несомненно ей предназначенной. – Мы твердо веруем что вопрос славянского общения ровно как и всего Востока в конечных целях своих есть вопрос и высшего объединения духовного, есть вопрос православия и великих судеб его уже во всем человечестве. Ибо мы вместе с великим народом нашим, веруем и в то, что православие, объединясь в народах его исповедующих, явит, и в силах явит в конце концов истинный и уже неискаженный лик Христов даже всему остальному человечеству измученному неверием и духовным распадением своим. Вот хотя и отдаленное упование наше, но всё же такое, которое мы исповедуем неразрывно с народом нашим. Мы, наше Слав. [янское] Бл.[аготворительное] Общ. [ество] стоим убежденно за самостоятельность русской мысли и национальной силы нашей. А вместе с тем веруем и в древнюю правду, искони проникшую в душу народа русского: – что Царь его есть и отец его, что дети всегда придут к отцу своему безбоязненно, чтоб выслушал от них с любовью о нуждах их и о желаний их, что дети любят отца своего и отец верит любви их, и что отношения Русского народа к царю-отцу своему, лишь любовно-свободны и безбоязненны, а не мертвенно-формальны и договорны. Мы познали, что так восхотел народ наш еще искони, и что в этом образе отца и детей заключен и весь смысл исторической связи Русской земли с её монархом в продолжении уже стольких веков. А потому, веруем и в то, что к этой лишь связи, как на основании незыблемом и может быть выполнен и закончен строй всяких будущих преобразований государства нашего, по мере того сколь будут они признаваемыми необходимыми, ибо основание это очень живое и действительное, живущее в сердцах народа, а не мечтательное и придуманное, не заимствованное из жизни чужих народов и чужого голоса. Мы верим в свободу истинную и полную живую, а не формальную и договорную, свободу детей в семье отца любящего, и любви детей верящего, свободу, без которой истинно русский человек не может себя и вообразить.

Вот, великий Монарх, убеждения наши, коим мы служим, убеждения точные и положительные, и мы верим, что они уже проникают в интеллигентное общество наше чем далее, тем более, и затем ободрят, облегчат и обновят его. Ибо устали уже сердца от лжи недомолвок и отрицания. Начинает уже не верить русское интеллигентное общество, что в хулении, в отрицании постоянном и в жестокосердой насмешке – весь исход всей тоски его. Оно жаждет ныне

указаний точных, целей положительных и правдивых, а мы, Слав. [янского] Бл.[аготворительное] Общ.[ество], в свою правду верим.

Кланяемся Вам, Великий Государь, во след за всем великим народом нашим и желаем всем сердцем нашим, чтоб продлилось Государствование Ваше еще на много и много лет. Да и слишком нужен Царь Освободитель земле своей, ибо далеко еще не от всех зол освобождена она.

Нынешняя Сербско-Турецкая война не была случайным явлением; она возникла не вследствие народного движения в пользу своих угнетенных соплеменников, не вследствие таких-то или таких-то политических событий, – это был необходимый исход для целой страны, остановленной в своем развитии / уродливым состоянием ее гражданской жизни.

Война эта явилась необходимым благодетельным исходом из невозможного положения. Не будь её, возникли бы внутренние распри и смуты, возникли бы перевороты династические и правительственные.

Причины столь печального состояния Сербии следует искать не в основных свойствах самого народа, но в исключительных условиях, при которых сложилась его жизнь: с одной стороны, более чем четырех веков иго турок; с другой – соседство Западной Европы.

Характеризовать турецкое иго нечего – растлевающая сторона его достаточно известна. Напор же идей западноевропейского общества, несрочных и слишком рановременных для страны, не нашел и не мог найти достаточного противодействия в столь маленьком ядре и противовеса в народе, только что вышедшем из рабства, не выработанном самостоятельную жизнью.

Лучшим доказательством несвойственному, вредному влиянию Западной Европы служит существующая правительственная система страны совершенно чуждая духу её.

Я говорю о скупштине. Это учреждение, за которое так ревниво держится нынешняя интеллигенция, не может считаться представительницей желаний и стремлений страны. Народ не ведает и не хочет даже знать решений этого своего так называемого представительного учреждения, и не без причины. Какая роль выпадает скупштине при нынешнем строе жизни Сербского народа? Защищать интересы политические народа? их нет. Защищать или добиваться интересов экономических? – Этого народ не требует, так как желать лучшего в этом отношении ему и в голову не приходит.

Платя неимоверно ничтожные подати (42 франка в год с дома) и обладая благодарнейшею почвою, народ находится экономически в благодарнейшем положении и при неразвитости, апатичности и лени своей – следствиях Турецкого владычества – он не ищет и не требует ничего другого, погрязая в своей узкой, эгоистичной домовитости.

Чем же является при таких условиях скупщина? Убогим сколком представительных учреждений Западной Европы, убогою комедиею.

Члены этого представительного собрания в большинстве содержатся кабаков / меан – придорожных гостиниц / люди обыкновенно пользующиеся в своем околотке влиянием как посредники торгов, сбытчики продуктов и ростовщики.

Значительная часть членов Скупщины совершенно безграмотны, так что протоколы этого законодательного собрания подписываются множеством членов, макая пальцы в чернильницу и ставя знак, под которым писарь проставляет фамилию.

Как выше сказано, народ решительно не интересуется тем, что делается в скупщине, игнорирует совершенно все решения, заботясь только об одном – о неувеличении податей.

Понятно насколько полезно стране такое учреждение, служащее игрушкой и слепым орудием нескольких честолюбивых интриганов. Скупщиной вертят несколько десятков людей, живущих в Белграде, вертят совершенно произвольно.

Лучшим доказательством тому может служить то, что скупщина, объявив себя против войны, вотировала чрез несколько дней единогласно за войну.

Турецкое иго резко и тяжело отозвалось на духе самого народа. Освобожденный из-под этого ига, не обеспечивавшего его бедность в самом семействе, не обеспечивавшего его собственность, Серб весь сосредоточился в своей «куче». Это узкое эгоистичное явление имело последствием то, что Серб утратил всякое понятие о патриотизме не только в широком смысле этого слова, но даже в более мелком – так называемом ...¹².

Религиозное чувство народа также заглушено, задавлено и турецким владычеством и влиянием католического и протестантского Запада. Этой точки опоры так же нет.

---

12 Није читљиво.

Нынешний Серб поразительно индифферентен к вере. Привожу между множеством один более выдающийся пример: наши добровольцы близ деревни Лукова, увидя Сербов и Валахов, расположившихся на ночлег в церкви, хлеб, мамалыгу, свиное мясо разбросавши на алтаре, пришли в негодование и выгнали прикладами из церкви находившихся там милиционеров, причем была драка и были раненые.

Но в замен всех этих качеств у Сербов есть одно: необыкновенное послушание власти.

Доказательством этого может служить то, что народ не хотевший войны (определенной цели которой он не постигал), вел её в течение четырех месяцев по приказанию и это в то время, когда семейства его разорялись, доставляя продовольствие для сражающихся, выставляя все необходимое для армии, так как при отсутствии правильной системы финансов, все потребности от них удовлетворились натуральной повинностью. Не взирая на такое положение, случаев сопротивления властям не было.

Как бы в довершение такого безотрадного состояния народного духа Сербия страдает совершенным отсутствием руководящих даровитых людей, в особенности же военных. Все, без исключения, главные военные деятели не только никогда не участвовали в военных действиях и не видели до войны, в сборе более двух батальонов. И этим-то людям пришлось вести в бой 30 - 40 батальонов и по нескольку батарей. Мало того, о дисциплине, военной чести и других первостепенных военных качествах у Сербских офицеров самые превратные понятия.

Ещё до поступления на службу я по желанию Князя Милана объехал границы от Моравы до Дуная, чтобы ознакомиться с местностью, укреплениями и войсками. По возвращении в Белград, представляясь Князю чтобы дать отчет о вынесенных мною впечатлениях, я вынужден был заявить Его Светлости, что был поражен равнодушием народа к предстоящей войне. Я не заметил даже ни малейшего одушевления в собранной милиции. Вопрос о войне решает интеллигенция, а народ, в особенности земледельческий класс, никогда не высказывается в пользу войны, отвечал мне Князь. Я сказал, что у нас в России, когда решена война, то настроение народа всегда в пользу войны.

Без серьёзной специальной подготовки, получив одно лишь общее образование, втянутые в разные мелкие политические дрыз-

ги и происки, не имея устойчивой нравственной опоры, ни в чем они не сознает чувства военного долга и не знают подчинения. Как бы усугублением такой нравственной слабости руководящего военного элемента страны, служит сама военная организация, введенная столь недавно, что не успела еще укорениться, чему может быть способствовало не мало и совершенно фальшивое основание, на котором она была создана. Немудрено, что при таких условиях военные люди Сербии не видят верховного вождя в князе, для которого, пользуясь малолетством его, было создано положение не дающее ему никакого значения / Сербская конституция /.

К довершению всего, военная часть не была резко отделена от общей гражданской, так что в малейшие распоряжения Министерства вмешивались постоянно и контролировали остальные министры. Эта аномальная зависимость доведена до того, что даже производства в чины обсуждаются в совете министров, под предлогом ратификации увеличения расхода на военный оклад.

Таковы в главных чертах нравственные задатки при которых пришлось вести эту неравную борьбу.

Выше я говорил о безропотном послушании Сербов, боровшихся против воли с 30 раз сильнеешим врагом четыре месяца. Не взирая на свое безропотное послушание, они конечно не выдержали бы столь продолжительной очевидно неравной борьбы, если б одно их сильно не поддерживало – надежда на Россию.

Надежды их в этом случае основывались на моем прибытии и прибытии добровольцев. Они считали, что это служило как бы преддверием быстрой и решительной помощи со стороны России. Вера в эту помощь поддерживала их до минуты, пока весь их запас энергии и силы духа не истощился в этой тяжелой борьбе.

Крайним пределом тут можно считать Алексинацкие бои, где Сербы действительно показали стойкость. Но затем, не видя помощи, теряя день ото дня надежду на своевременную поддержку, теряя надежду в успешный исход неравной борьбы, запас их энергии истощился и обратился в апатичное послушание.

Я понял тогда уже это падение духа и стал настаивать на необходимости двухмесячного перемирия, чтобы дать народу возможность оправиться и организовать. Попытки заключить это перемирие не удались. Европа была обманута Турецкою дипломатиею, предлагавшею условия дававшие все выгоды Туркам в ущерб Сербов.

Вскоре такое падение нравственного состояния было усилено наступившими холодами при совершенном недостатке теплой одежды. Тогда началось разложение в рядах солдат и офицеров, в рядах последних еще вследствие других причин.

По изложению выше капитальных недостатков Сербских офицеров, командования перешли понемногу в руки русских. Это, при духе интриги и политических происков присущих сербскому военному сословию, привело к зарождению зависти и чувству ооскорбленного мелкого самолюбия. Личность, особенно вредно отозвавшаяся в этом случае, был бывший военный министр Полковник Николич. Личность совершенно бездарная, едва ли могущая во всякой иной армии рассчитывать на звание батальонного командира, этот человек не мог простить, что по силе самих обстоятельств весь центр тяжести в значения перенесся в действующую главную армию. Приезд Николича в Делиград (куда он явился под предлогом переговоров со мной) обозначился крупным поворотом в среде Сербских офицеров против Русских.

С этого времени стали также проявляться случая пропаганды сербских офицеров между солдатами той мысли что «Европа решила чтобы ни произошло, возьмут ли сербы Константинополь или турки Белград, ничего не изменится в настоящем порядке вещей».

Это-то брожение заставило меня в виде протеста, содействовать провозглашению королевства. Причины, в силу которых я решился на этот акт, были следующие: 1/ Заявить протест со стороны страны принесшей столько жертв против пресловутого, которым ей угрожали; 2/ Поставить пред вооруженным народом осязательную цель для объяснения приносимых жертв и усилий. 3/ Возвести Княжескую династию Обреновичей на такую высоту, чтоб сразу порвать связь с смутным прошлым и раз навсегда уничтожить попытки Карагеоргиевичей, покровительствуемых Австрией и 4/ ускорить решение России, так как борьба осязательно становилась невозможной. Это провозглашение, резко отвергнутое русским правительством, вынудило Князя Милана и его правительство заглушить его полицейскими мерами. Кроме того, оно нашло оппозицию и в самой среде правительства, из опасения последнего потерять при возвышении Князя своего всесильного значения.

Абстрактные обсуждения стратегических и тактических действий в этой кампании (не принимая во внимание ни совершенно исключительных обстоятельств, ни качеств войск с которыми при-

ходило действовать) решительно невозможны. Побочные обстоятельства, немыслимые во всякой другой войне, играли во все время борьбы главную роль на весах военных решений.

Обстоятельства эти заставлявшие изменять нормальному способу войны были двоякие:

1/ Способ ведения войны неприятелем, принявшим за правило разорять и сжигать все во всех занимаемых им местностях и истреблять без различия пола и возраста население, не успевшее спастись во время. Этот способ противника заставлял защищать каждую деревню, каждый клочок земли, не очищенный еще жителями, и вследствие того оборонительная линия почти всегда растягивалась совершенно несоразмерно числу войск. Сам состав войска заставлял меня часто защищать такие пункты, которые в военном отношении имели едва третьестепенное значение. Княжевацкой бригаде, например, нельзя и немыслимо бы было воспретить защищать Княжевац, Крушевацкой - Крушевац и т.д., словом, защищать свои местности. Наконец, несмотря на доверие ко мне как к русскому, от которого Сербия ждала своего спасения, я все же был там иностранец, не знавший даже их языка.

О качествах чисто военных армии, или скорее этих десятков тысяч плохо вооруженных поселян, взятых прямо из-под сохи, я здесь совершенно умалчиваю – они известны.

При таких же условиях должна была вестись война, нужно было держаться. А держаться было необходимо. Из Константинополя получались известия от нашего военного агента, в которых говорилось следующее: «Если продержитесь один месяц турки пропали. Резерв и запасы их истощились. Кроме 4.000, посланных в Видин, они уже ничего не могут послать в армию».

Мы продержались два месяца после этого официального сообщения нашего Константинопольского военного агента. За несколько дней до взятия Джуниса, получена была телеграмма, в которой говорилось «чтобы держаться еще месяц», после чего прибавлялось «дело наверно решено».

Если б успех войны зависел от одних приказаний, и не от общего положения дела, то, конечно, и Сербские ополчения продолжали бы держаться. Если в Сербии не было людей, понимавших и создававших нравственные и материальные силы народа, то в России о тех и других не имели ровно никакого понятия, и потому, столь не-

нормальное напряжение всех сил страны, достигших крайнего предела, принимали за натуральный ход вещей.

Занятие Джуниса поэтому произвело такое неожиданное потрясающее впечатление. Народное чувство России в пользу Сербского дела высказалось с силою необычайною, совершенно исключительно за тысячелетний период ее исторического существования. Но каковы были результаты этого движения?

Два миллиона рублей пожертвований и 2.640 добровольцев не имели на весах войны никакого решительного значения, между тем как их невозможность продолжать войну с Турциею с месяца на месяц /как предлагалось/ сознавалась как главными распорядителями, так и инстинктивно понималась массой.

Если бы ультиматум, повлекший за собою перемирие, был отправлен после Алексинацких боев, то значение России стояло бы высоко в среде сербов, и доверие к ней не поколебалось бы, и страна в данную минуту представила бы еще средства чтобы соразмерно повлиять на кампанию.

Силою самих обстоятельств командование почти всеми Сербскими силами перешло в мои руки, но перешло уже тогда, когда неприятель настолько усилился, что борьба сделалась очевидно невозможной.

Положение Сербии.

В настоящее время ошибочно рассчитывать не только на какое-нибудь содействие Сербии, но даже на возможность защищаться ей от окончательного поражения турками, если только не будет оказана своевременная помощь войском и деньгами. Само Сербское правительство теперь бессильно собрать под знамена какой-либо контингент, способный остановить турок от окончательного разорения всей страны. Оказать же помощь, могущую принести плоды, теперь уже поздно, так как до окончания перемирия остается всего три недели, и в Сербии нет никаких запасов, ни одежды, ни оружия.

Заказать одежду для войск для зимней кампании уже нет возможности. Если б даже было решено прислать сюда готовую одежду из наших интендантских складов, и тогда она не поспела бы во время и не могла бы быть роздана войскам.

Одна же дивизия Полковника Меженинова /около 4.000 человек добровольцев из всех славянских племен / не может, конечно, защитить Сербию.

Не зная плана будущих действий нашей армии, но принимая во внимание одну ее численность, я полагаю, что количество выставленного войска, далеко недостаточно. Могу предполагать, что ожидаемые результаты не будут достигнуты, если война не решится одним сильным ударом в самый непродолжительный срок, как то сделала в 1866 году Пруссия, не давшая тем время колебавшейся Франции принять ту или другую сторону.

Полагаю что предстоящая кампания, для того чтобы дать нам возможность опереться на совершившиеся факты, должна решиться в течение одного месяца прогнанием турок за Балканы.

Для этого настоящих выставленных сил нашей армии далеко недостаточно. Нужна 300000 армия, которая, при неопытности солдат и офицеров, необходима для того чтобы задавить одной своей силой неприятеля уже обстрелянного, имеющего на своей стороне многочисленные крепости, все выгоды местности и необыкновенно стойкого за укреплениями.

При таком числе войск возможно было бы отделить значительную самостоятельную часть для вспомогательного действия на Сербию. Выгоды стратегические этого пути следующие:

1) Он опирается на страну хотя и истощенную, но дружественную;

2) Отрезывает Герцеговину, Боснию и Албонию от остальной Турции, чем дается возможность населению этих стран принять участие в борьбе. 3/ Связь с Черногорскими войсками.

Эти выгоды были уже оценены некоторыми из наших полководцев, между прочим Дибичем. Я счел своим долгом представить это соображение Князю Александру Михайловичу на том основании, что, считая себя одним из главных виновников предстоящей войны, я, помимо моего патриотического чувства, лично заинтересован в успешном исходе начатого мною дела. Еще одно слово: Повторяю, для спасения Сербии от окончательного погрома и разорения нужно отсрочить перемирие на один месяц, дабы помощь войскам, деньгами и вещами могла быть своевременной.

[Секретарска белешка] Михаил Григорьевич! исправьте, вечером перепишу, и утром успеете отправить. Синельников

ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 70–82.

Концепт телеграма генерала М. Г. Черњајева генерал-лајтнанту И. И. Воронцову-Дашкову, особи из најближег окружења престолонаследника Александра Александровича, о потреби хитне војне интервенције Русије на Балкану, 4. децембар 1876.

Кишинёв

Сербия не может защищаться. Наши войска, если не встретят препятствий при переправе через Дунай у Турн-Северина, могут прибыть на помощь через пять недель по объявлению войны. Этого времени довольно, чтобы положить лоском всю страну. Если перемирие не будет отсрочено остающиеся 2.000 добровольцев и 2 болгарских батальона подвергаются плену или истреблению. Необходимо немедленно отозвать добровольцев из Сербии. Я задержан здесь в Кишинёве. Генерал Никитин¹³ прибудет в Белград за шесть дней до окончания перемирия, тогда будет поздно. ~~Война Мы опоздали три ме~~ Предпринимаемая теперь война ~~теперь~~ для освобождения Славян поведёт к их истреблению. Мы опоздали три месяца. Нам остаётся месяц на мир изгнанием Турок из Европы, а мы дали честное слово не трогать Константинополя.

Черняев

ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 97.

---

13 Генерал А. Г. Никитин послат је у Србију да замени М. Г. Черњајева и да изврши евакуацију руских добровољаца који су тамо остали.

Копија писма генерала М. Г. Черњајева генерал-лајтнанту И. И. Воронцову-Дашкову и А. И. Васильчикову¹⁴ о околностима под којима Русија мора да се умеша у рат, 14. децембар 1876.

Кишинёв

В телеграмме, отправленной мною 9 декабря, я, конечно, мог только наметить настоящее положение дел настолько, насколько это нужно, чтобы принять неотлагательно меры относительно остающихся в Сербии добровольцев, если перемирие не будет продолжено. – В настоящем письме я дополню телеграмму необходимыми объяснениями.

Сербия буквально раздавлена, нравственные и материальные силы её так надорваны в неравной, продолжительной борьбе, что страна сама по себе, без сильной помощи людьми и деньгами защищаться от турок не может. Доверие народа к России поколеблено несвоевременным перемирием. Сербы громко говорят: «отчего царь не остановил турок раньше». Я думаю, что в случае наступления их вовнутрь страны, население скорее выйдет к ним на встречу с покорностью, нежели решится на сопротивление. В настоящее время не существует в Сербии такого авторитета, который мог бы поднять упавший дух народа во всех слоях его.

Численность наших добровольцев так ничтожна, / около 2-х тысяч, что не может иметь никакого значения, как в военном, так и нравственном отношениях.

Войска из Кишинева могут поспеть, со дня объявления войны через пять недель, к границам Сербии и Кладово, к тому времени, вероятно, уже занятом турецким корпусом из Видина. Туркам от Джуниса достаточно 12 дней, принимая во внимание их медленность, чтобы достигнуть Белграда. Стало быть, они имеют довольно времени чтобы, приведя в покорность Сербию, вернуться на Дунай к приходу наших войск.

Из всего этого явствует, что Сербия может спастись от погрома и нравственного унижения только немедленным заключением отдельного мира с Турцией, если перемирие не будет продолжено.

14 Александр Иларионович Васильчиков (1818–1881), руски писац и публициста.

Если подобное действие Сербии не соответствует видам Правительства, то паллиативными мерами спасти её нельзя.

Для спасения се теперь необходимо: 1/ продолжить перемирие до 1-го Марта, 2/ присылка 10,000 заранее организованных добровольцев, и 3/ присылка 5-и миллионов рублей в распоряжение того лица которое назначено организовать сербские силы и которому необходимо верить и командование всеми силами. Отделять организацию войск от командования в настоящее время более чем когда-либо неудобно потому уже, что только лицо, которое будет организовать войска будет иметь возможность своевременно, хотя сколько-нибудь, ознакомиться с ними.

Деньги должны быть непременно в руках того лица, которое назначено защищать Сербию для того, чтобы держать в зависимости не только офицеров, но и администрацию, содействие которой, во время войны так необходимо. – Эта материальная зависимость положит сразу конец дрязгам и интригам, до которых так называемая сербская интеллигенция имеет большие наклонности, хорошо мне известные.

Исчисленные мною средства составляют минимум того что нужно для достижения цели. Меньше – лучше не присылать, так как это поведет лишь к растрате средств без положительного результата.

Никогда Сербия не была в таком отчаянном положении как теперь. Своевременная сильная помощь нужна ей, и слова Государя, так жестоко оскорбившие страну, лежавшую у ног Его, она примет тогда как отеческий гнев, за которым последовала немедленно и милость.

Но повторяю еще раз; надо дать столько сколько нужно, – или не давать вовсе – результаты будут те же.

В заключение моего письма считаю необходимым сказать о предстоящем положении дела в случае войны, если таковая последует, в станах готовящихся быть театром военных действий.

Никогда мы не начинали войны с Турцией при таких выгодных для неё условиях как теперь. Она собирала свои силы о июня месяца против Сербии и, разделив её, является одушевленная успехом, чтобы встретить нас на Дунае. Никогда, говорят, мусульманский фанатизм не доходил до предела нынешнего и грозит более, чем когда либо христианскому населению при первом нашем шаге для их спасения.

Как только мы перейдем границу Румынии, турки также будут вправе занять часть её и, если она станет на нашу сторону, то подвергнется тому же разгрому, как и Сербия, так как рассчитывать на румынскую армию более чем сомнительно.

Под такими печальными предзнаменованиями мы должны будем начать наше наступление с силами равными противнику, при невыгодных стратегических условиях, но велик Бог русский, мы перейдем через Дунай и вступим в Болгарию.

Здесь по мере своего отступления турки будут обращать страну в пустыню, и если не вырежут населения, то оставят его без крова и пищи на наше попечение. Мы не только не найдем никаких запасов в Болгарии, но вынуждены будем усилить подвоз хлеба, чтобы спасти от голода не тысячи, а сотни тысяч людей.

Возможно ли это?

Мы опоздали четыре месяца; теперь нам остается одно из двух:¹⁵

или поставить себе задачей изгнание турок из Европы. Перед последней целью бледнеют отдельные несчастья болгар и сербов, но для достижения ее необходимо начать войну с соответствующими силами чтобы быстро окончить кампанию и поставить Европу неожиданно перед совершившимся фактом.

ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 101–105.

---

15 Није читљиво.